

ФАТЕУС НИКИТА

Старый Новый дом

18+

Никита Андреевич Фатеус

Старый новый дом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33765134

SelfPub; 2018

Аннотация

Люди выстраивают тысячи иллюзий, чтобы оправдать свое существование. Сознание человека – ошибка. Мы – ее дети, якобы живущие в мире свобод. В любом случае сценарии написаны, а роли распределены. И сегодня я уйду за кулисы... Я достал из кармана двенадцать скрепленных между собой листов, положил их на самый край и прижал бутылкой коньяка. Шаг, и вот, спустя доли секунды, земля. Спустя неопределенное время я открыл глаза. Я жив. Сознание настаивает: «Закончи начатое!» И вот я покорно плетусь на очередную крышу, которая наверняка будет последней. «Ну, добро пожаловать» – подумал я и прошел под блеклой табличкой «Подъезд 20/В».

С крыши двенадцатиэтажки, словно сквозь туман, пробивались только разноцветные блики. Город вдалеке – лишь огромная бесформенная тень, капля краски, размытая водой. Но чем ближе я смотрел, тем яснее становилась картинка. Люди около дома ходили на маленьких мошек, копошащихся в своих колесницах, общающихся и гуляющих по улицам, полным навоза. Впрочем, если подумать, то они его не только планомерно утаптывали, но и производили.

Но думать не хотелось. Ведь жизнь внизу кипела, а мысли были полны лишь желанием почувствовать ее. Машины мирно катились по асфальту, казавшимся идеально ровным с высоты. Дома стояли, как и раньше. Я надеялся лишь на то, что двенадцать этажей подо мной не начнут обваливаться до того, как я ступлю в пустоту.

Впервые в жизни я дошел до неопределенности грядущего. Она присутствовала и раньше, но, скорее, веселила меня, чем отягощала. Раньше я думал, что будущее уже в завтрашнем дне, а следующий год – нечто совершенно отличное от года идущего. Впереди, навеянные мечтами и детской наивностью, мне ясно представлялись деньги, девушки, известность и свобода, присыпанные блестками. Конечно, присутствовал страх неудачи, и иногда я пытался выбрать между попрошайничеством, и игрой на гитаре в переходах метро. Так, на будущее, чтобы не оплошать, если такой выбор все-таки встанет передо мной.

Этот выбор был столь же сложен, сколь и абсурден. С од-

ной стороны, страдало чувство собственного достоинства. С другой – довольно слабые навыки игры на гитаре не позволили бы предстать перед толпой. Но в каждом из этих вариантов жертвой должна была быть гордость.

Проблема необходимости выбора становилась все острее, чем ближе я подкрадывался к двадцати годам. Сначала меня мучали лишь предположения о дальнейшей судьбе, ведь школа не обещает ничего, отражая лишь приблизительный потенциал. И чем ближе я был к новому для меня миру, с тысячами профессий, без навыков, без наглости и целей, тем сложнее мне виделась жизнь грядущая. Университет был успокоительным недолго, накормив меня ложными представлениями о профессии, не дав, при этом ни наглости, ни цели.

Я понимал, что сам дурак. Но вместе с этим продолжал писать рассказы и раззадоривать себя наивными фантазиями о том, что моя востребованность – дело времени. И все же, предостерегающие мысли о переходе московского метро меня не отпускали. Так или иначе, после этого я возвращался в реальность. Я оглядывал комнату, вспоминал о своем умении вылезать из проблем и улыбался, предвкушая начало следующего дня. Впрочем, игре на гитаре я все же уделял часок-другой.

Удивительно, как при огромных возможностях рождается апатия и отсутствие любых целей в жизни. Ведь людям дан безграничный выбор, с оговорками, конечно, в виде умений,

стремлений и, на худой конец, таланта. Но при этом никто не ограничивает человека в достижении цели. Все дороги, казалось бы, открыты. Стоит либо усердно работать, либо иметь связи, а лучше и вовсе обладать обеими суперспособностями. Ведь гениальность – не дар, а тяжелое бремя, результат выбора и плод тяжелых, порой неоправданных, усилий. Гениями, как правило, не рождаются.

Но я, в любом случае, был не из них. Я не хотел делать ничего и получать за это деньги, признание и женщин. Но почти каждый этап моей жизни вторил предыдущему, что реальность кардинально отличается от тех картинок, всплывающих в голове перед сном. О чем бы мы ни мечтали, как бы ни хотели этого, жизнь поставит подножку. Но я в это не верил. Поэтому и разрывался между реальным взглядом на будущее, и навеянной грезами надеждой.

И дело не только в работе. Желание достичь успеха в любимом деле также повлияло на меня. Я хочу, но хочу, видимо, глупо или недостаточно сильно. Потому что за пять с лишним лет ничего не поменялось, кроме ненависти к себе, ставшей ежедневным ритуалом. И только в ней я преуспел. Я давно ничего не писал, но вот, наконец, появился повод для моих раздумий – что-то вроде предсмертной записки.

И при всем этом нужно было становиться человеком. Но даже на этом поприще я потерпел кучу неудач. Лицемерие, ложь, предательство, свойственные людям, коснулись и меня, оставив яркий коричневый мазок на подкорке. Так я и

пришел к неизвестности. Без целей в жизни, апатичный и плохой человек. Пускай, возможно талантливый и во многом человечный. Но уже не до этого. Цинизм или сострадание, глупость или последовательность, сила или слабость – все это уже не имеет значения.

Сейчас эта неопределенность другая, нежели раньше. Она то ли сменила прическу, то ли заразилась СПИДом. Что-то в ней точно поменялось, но я точно не знаю насколько. Сегодня она начала нашептывать мне, что миру я не нужен. Миру не нужен никто. Люди выстраивают тысячи иллюзий, чтобы оправдать свое существование. Но все всегда упирается в рамки бытовой осмысленности действий. Сознание человека – генетическая ошибка. И эта ошибка породила все существующее. Все наши взгляды, представления, слова, мысли и все, с чем ассоциируется нынешний мир. Мы – дети ошибки. А амбиции не позволяют жить в устоявшихся рутинных условиях, которые канут в лету. Хочется так, чтобы навечно. А кусать часть пирога скучно. Да, поначалу, это может радовать, но в итоге наши изнасилованные реальностью мечты приведут к тому, чем занимаюсь сейчас я. И падать будет больнее. А падать придется, так или иначе.

Что меня ждет дальше? Позади школа, университет, друзья, девушки, родители, живущие порознь. Через все это я уже прошел, и справлялся с жизненными ситуациями с переменным успехом. Но что дальше? Работа? Покупка квартиры, машины? Алкоголизм и писательство? Никаких стрем-

лений и желаний. Как это парадоксально звучит от человека, живущего в мире возможностей и свобод. И какой бы безграничной свобода ни была, сценарии написаны, а роли распределены. И сегодня я уйду за кулисы.

Я поднимался на разные крыши. И каждый раз испытывал смешанные чувства. Первый раз я был в восторге. Я оглядывал город и мнил, как стану важной его частью. Мне были милы все дома, все люди, каждый рассвет и каждый закат. Позже я начал приглашать друзей. Я хотел, чтобы они увидели тот чудесный пейзаж, который видел я. Я хотел видеть их восхищение от того, как многолик однообразный город, когда его покидает уставшее солнце. Пусть пейзаж не менялся, но вид с каждой двенадцатиэтажки, на которую мы забирались, был уникален. И тогда я даже не думал смотреть вниз. К чему это? Пощекотать свои нервишки, разве что.

Постепенно желающих сходить со мной становилось все меньше. Оставались только самые близкие. С ними мы окидывали взглядом окрестности, болтали о пройденном пути и спускались на лифте обратно, полные тоски по ушедшему времени. Даже скорее по тому, что оно с собой унесло. Никакие закаты нас не трогали, как и набитые тоскливой злобой тучи, как и дожди со снегами. С тех пор походы на крыши стали какой-то странной традицией, не зависящей от нашего желания. Мы поднимались наверх, стояли какое-то время по уши в воспоминаниях, а потом просто спускались на лифте вниз, чтобы потом подняться снова.

Около двадцати разных крыш. И каждый раз одно и то же. Сначала подъем по лестнице, в предвкушении заворачивающих картин. Затем странная трапеза, где на первое каша из радости, спокойствия и тоски, на второе горькие воспоминания, и компот из пустоты в придачу. И, наконец, спуск к привычной жизни. Но вместе с этим автоматизмом, с которым мы путешествовали по домам, существовали удивительные виды. Пусть передо мной открывались картины одного и того же города, каждая из них вызывала совершенно новые и неповторимые эмоции. Но и этому пришел конец.

В конце концов, подходя к одному из домов я начал оглядывать его снизу-вверх и представлять, что будет на каждом из этажей. Отличается ли этот дом от последнего? Сколько крыш я еще обойду? Есть ли в этом смысл? Никто не мог мне дать ответов. А они могут быть настолько прозаичны, что меня это не устроит. «Тогда зачем задавать эти вопросы?» – спрашивал я себя. И этот вопрос оставался вместе с остальными, без ответа, без малейших раздумий над ним. И вот, здравствуй, неопределенность.

Даже сейчас вопросы задаются по второму кругу, и я все еще не открестился от них. Вопрос за вопросом в голову, а ответы спрятались где-то за спиной мертвых раздумий. Я безмолвно поднялся наверх и залез на парапет крыши, в ожидании момента. Какой была бы следующая крыша из этого огромного количества непокоренных вершин? Скорее всего, она была бы точь-в-точь похожа на эту. И вид с нее от-

кывался бы точно такой же. Впрочем, это уже не так важно.

Сложно совершить прыжок. Скользящая кромка крыши не даст оттолкнуться, а снег лишь сделает его нелепым. Впрочем, прыгнуть – не то слово. Никто не прыгает с крыши. Прыжок – это уверенное действие. Но то, что делают люди – это падение. Они расслабляются. Ноги слабеют, руки взмывают вверх, и только после первой секунды тело вновь напрягается. Именно тогда он плюет на все и успокаивается. Именно этот момент – его последний отдых в жизни. Потому что следом идет агония, отчаянная попытка повернуть все вспять, и люди, подобно неумелым птенцам, пытаются махать своими неразвитыми крылышками, не понимая, что это уже не нужно. Выбор был сделан. И тогда он был правильным.

Закончив мысль, я сделал последний глоток коньяка. Я достал из кармана двенадцать скрепленных между собой листов, положил их на самый край и прижал бутылкой. Я шагнул, пока мысли затмевал горький вкус алкоголя. И теперь, наблюдая за каждым из окон, проносащихся мимо, я лечу навстречу январской грязи. За стеклами знакомые мне люди и ситуации. Суетливая молодая семья, их детишки разворачивающие подарки при свете гирлянд. Школьники, ожидающие чуда, пока их родители общаются на кухне. Одинокая женщина, уткнувшись в телевизор пытается не заплакать, пока в соседней квартире подростки пьют дешевые коктейли. Парень и девушка, танцующие, целующиеся и счаст-

ливые. Студенты, менеджеры, и снова семья. Одинокие люди. Вновь одинокие люди. Еще одна пара пожилых одиноких людей. И вот, наконец, земля.

Спустя неопределенное время я открыл глаза. На улице не было света, то ли все еще, то ли уже. Через доли секунды появилась отчетливая боль в голове. Я нашел в себе силы подняться и в очередной раз проклял себя за тягу к жизни. Вокруг шумела новогодняя постановка. Звук взрывающихся салютов стрелял в голову, не убивая, но калеча. Рядом раздался пьяный крик:

– Поднимайся, дружище!

– Да я и сам это знаю, – сказал я себе под нос.

Я ощупал себя, покрутился и сделал ленивую зарядку секунд на пять. Ничего не сломано. Вспомнилось, как пролетающие мимо окна казались последним, что я увижу. Но вот я на земле, на той точке, в которую пристально вглядывался, стоя на крыше. И сознание, ошибка, говорит мне, что нужно закончить начатое. Потому как, не разбившись целиком, разбиваются остатки смелости и самоуважения. И я пошел мимо зевак в подъезд соседнего дома, чтобы подняться на очередную крышу, которая теперь уж наверняка будет последней.

Понятное дело, что никто не заставлял меня падать, поэтому и на головную боль нельзя было сетовать. Это меньшая боль из тех, которые я мог испытать. Но она, как бы там ни было, не самая благородная. Ведь с переломанными конеч-

ностями я бы проклинал себя за то, что сделал. А я, традиционно неудачник, должен помимо треска головы слышать еще и упреки о несостоятельности в любом деле, каким бы оно ни было.

Улица была полна полутруппами вроде меня. Кто-то только вошел в это состояние, кто-то из него вышел и вновь пытался стать похожим на своих товарищей-зомби. Люди не умолкали, радовались или же обманывали себя в этой радости. Они визжали, пытаясь перекричать шум прошлогодних проблем, рвущихся в год нынешний. Но по большей части мир погибал. И тишина становилась все отчетливее, покуда я двигался к подъезду.

Несмотря на праздничные наряды, улицы были серыми. Снега почти не было, преобладала грязь. Грязь на обуви, грязь внутри человеческих голов, порождаемая желаниями и обидами, грязь проникала сквозь нас. И лишь небольшие островки белого и местами чистого снега не давали нам окончательно забродить. Я попытался отряхнуть ноги, но грязь словно впиталась в обувь. Я попробовал проигнорировать этот факт и бросил взгляд на дверь. Над ней висела табличка:

«Подъезд 20/В»

Дверь в подъезд была распахнута. Я ступил на подъездную плитку, куски которой откололись и были заботливо убраны

в прошлое. Местами полы были белыми, но по большей части они пестрили желтыми пятнами от сырости и следами от ботинок, не говоря о грязных бетонных проталинах. Справа рядами висели почтовые ящики, а прямо передо мной в пяти метрах спокойно стояла небольшая лестница, приглашающая всех к дверям лифта.

На стенах красовались надписи, знакомые каждому, кто хоть раз был в подъезде. Слева черным баллончиком и весьма простым почерком было выведено: «Ангелина – шлюха». Аналогичные оскорбления, но уже меньшим кеглем были выведены во всех доступных для человека среднего роста местах. Но мне приглянулась одна цитата, сделанная специально, чтобы выложить с ней фото в какую-нибудь социальную сеть. Глубокомысленное сие гласило: «Все мы смертны, а значит – свободны» Я ухмыльнулся.

Лампы светили тускло, потому как вместе с потолком окрасили и плафоны. Повсюду висели картонные зайчики, мишки и снеговички с выражениями лиц страдания, прячущихся за беззаботными улыбками. Где-то пыталась удержаться на весу мишура, приклеенная на скотч. Где-то она уже валялась, прямо на конфетти и сигаретных окурках. Праздник был растоптан и ждал отмщения, готовясь растоптать людям счастливое утро первого января.

Слева от лестницы, рядом с батареей стоял стол и четыре старых стула. На столе стояла банка из-под кофе, служащая пепельницей, бутылка коньяка и какая-то тарелка. Рядом с

ним стояла яркая новогодняя елка, под которой покоилась коробка с ненужными рекламными буклетами и газетами. За столом сидела знакомая мне компания. Из портативной колонки доносились стучание, хрипение и прочие шумы, вперемишку с голосами. Возможно, так рожал крупный рогатый скот. А может, это была плохая музыка.

– Сколько лет, сколько зим! – воскликнул мой одноклассник, поднявшись со стула с подкашивающейся ножкой. – с праздником, блудный сын! Не появлялся здесь уже сколько. Забыл про нас?

– Шолом, Илюша, – сказал я растерянно и оглядел присутствующих. – с новым годом всех.

Я пожал парням руки и спросил:

– У вас от головы ничего нет?

– Как же, – Илья указал на бутылку. – думаешь, мы тут сухие сидим?

– Я тебе налью, – сказал Сева, одноклассник.

– Что у тебя вообще нового? – спросил меня Илюша, сжав в зубах сигарету.

– Толком ничего. Не работаю, ничем не занимаюсь.

– Все еще нищий? – усмехнулся он.

– Пожалей убогих.

– Так и быть.

– Держи, смотри не напейся, – ухмыльнувшись сказал Сева и протянул мне стакан.

– Благодарю, – я взял стакан.

Ваня продолжал молча сидеть и смотреть на нас с недоумением.

– Чем вообще занимаетесь, господа, – спросил я и перевел взгляд на Илью. – и дамы?

– Я скучал по твоим плохим шуткам, – заметил Илья. – сейчас только и делаем, что пьем, курим и музыку слушаем.

– Неплохо, да? – заметил Сева.

– Я полагаю, это невероятно занимательно.

– Так и есть, – воскликнул Илья и поднял стакан. – с новым годом!

Я быстро осушил свой стакан. Как будто это должно было помочь. Я перестал морщиться из-за крепости алкоголя и глянул в сторону Вани, человека, с которым я хорошо дружил в детстве. Он смотрел на меня с немым упреком, возможно даже с отвращением. Он словно спрашивал меня: «Ты хоть сам понимаешь, что ты делаешь?» Я же смотрел на него с досадой, но без сожалений. После пары секунд игры в гляделки он опустил глаза и тихо сказал:

– Ты про Соню слыхал? – он говорил про нашу подругу. В детстве мы втроем носились по двору.

– Она поправилась? Давно мы с ней не виделись.

– Не поправилась, – он продолжал пристально на меня смотреть.

– Как так? – я сразу же смирился с этим. Не потому что мне было безразлично. Дело в том, что так я реагировал на смерть в принципе. Смерть неизбежна и порой даже под-

властна нам. Но только в одном направлении. Ты можешь приблизить ее, но никогда отсрочить. И я смирился, что не отменяло неизбежно возникающей пустоты внутри. Мне хотелось знать только, как это произошло.

– Как-как? Вот так! – сказал Ваня. – вчера ночью звонили из больницы, переливание не помогло.

Он замолчал и уставился в стену, ясно давая понять, что разговор окончен. «Я ведь мог дать свою кровь, – подумал я, – но не сделал этого». Думал, что мы уже давно не общаемся и там меня никто не ждет. К тому же, на мне свет клином не сошелся. Да и, с другой стороны, оно бы не помогло, и корить себя не за чем. Может, смысла не было вообще, и с этим нужно просто смириться?

И ведь фактами тут себя не оправдать. Нельзя сказать, что с ее смертью должны исчезнуть и все вопросы. И самое главное, что она, как бы это плохо ни звучало, не играет роли в данной ситуации. Здесь все упирается в то, что мои дела были куда важнее переливания крови для этой бедной девушки, нашей с Ваней подруги детства.

Я было начал считать себя последним человеком на этой земле, как вдруг почувствовал приятное шуршание кресла подо мной. Я вжался в него и гладил шершавые поролоновые подлокотники. Я услышал музыку, всю музыку, каждый инструмент. Барабанщики словно сидели в моих ушных раковинах и давали ритм. Мелодия тонкой нитью пронизывала всю черепную коробку изнутри, и переплеталась в причуд-

ливые узоры. Цвета стали ярче, и все складывалось в удивительную мозаику. Даже грязь на кафеле казалась мне каким-то ацтекским рисунком. Мишура начала радовать, конфетти слепили, а коньяк прожигал изнутри. Мне не хотелось говорить, но поделиться срочной новостью я считал должным:

– Со мной происходит что-то странное! – я оглядывал все вокруг. – я будто вообще не здесь!

– Ну, здравствуй, – сказал Сева.

– Белочку словил, псих, – сказал Илюша.

И лишь Ваня Петров сидел с тем же выражением презрения на лице, пока меня это совершенно не трогало. Я достал свой телефон, надел наушники и включил первую попавшуюся мелодию. На фоне болтали мои друзья, но постепенно музыка, льющая из моих наушников, полностью поглотила мое сознание. Казалось, я понимал каждую строку, каждый удар, каждый звон колокольчиков, каждый перелив, каждый голос. Это было блаженство – перенестись в уютный домик и ловить причудливые закорючки-ноты в красной новогодней шапке, пока вокруг носятся ребятишки и заворачивают подарки.

Я сидел в абсолютном блаженстве около пяти минут, как мне казалось. Но когда я открыл глаза, рядом никого не оказалось. На столе остались стоять пепельница и почти пустая бутылка коньяка. Кажется, мои знакомые ушли. Возможно уже давно. Пускай. Я не питал к ним тех дружеских чувств,

которые были раньше, когда я гулял во дворе, ходил в школу или в университет.

Да, было приятно время от времени видеть их довольные лица, но это снова и снова отсылало меня в лучшие времена. А я устал тревожить себя мыслями о том, как было хорошо раньше, когда не было мыслей о будущем, ответственности и банальной серьезности. Поэтому я и должен подняться на крышу и спуститься снова, самым коротким путем. Я встал с кресла, взял бутылку и начал осматриваться. Голова снова начала болеть.

Я оглядывал грязную плитку, как через пару секунд в дверях показалась толпа пьяных людей. При них были все атрибуты праздничной ночи: водка, стаканы, дети, возможно тоже пьяные. Во главе был низкий мужичок лет пятидесяти с арсеналом фейерверков, способным взорвать небольшое здание. Параллельно с ними открылась дверь соседней квартиры, и мужичок с блаженной водочной улыбкой окликнул выходящую семью.

– С новм годм!

– С новым, с новым, Вить, – мужчина поправил меховую шапку.

– Даай выпьм, – он, чуть не уронив стаканы, выхватил один и с третьей попытки зубами вытащил пробку. – щстья и здровья!

– Будет тебе. Я не хочу.

– Ну хрош, – он неумоимо продолжал наливать. – по чуть

и сё.

– Нет, Вить, пойдём. Лучше салюты твои посмотрим.

– О, эт я могу, – кое-как вытащив фейерверк сказал он. – Есь зжигалка?

– Вить, ну не здесь же, ты совсем нажрался?! – включилась, видимо, его жена. Дети все время стояли в стороне и лишь недоумевающе смотрели на выступление своего отца.

– Пршу прщения, – Витя откланялся перед всеми и двинулся в сторону двери.

Мне отчего-то стало мерзко. «Учись пить, пьянь» – подумал я, но сразу же вспомнил о бутылке коньяка в руке и моем недавнем состоянии. Меня начало тошнить. Я дождался, пока семьи выйдут на улицу и оставил на кафеле все, что во мне было. «Я отвратителен – это надо заканчивать» – заключил я и двинулся в сторону лифта. После нескольких попыток вызвать его, я обратил внимание на объявление: «Лифт не работает. Приносим свои извинения» Я недовольно выдал:

– Подавитесь! – и пошел в сторону лестницы. Мне предстояло пройти все двенадцать этажей. Лучше мне не становилось.

Поднявшись по винтовой лестнице, огибающей шахту сломанного лифта, я увидел лестничную клетку. Это было просторное помещение, в двух концах которого держались на старых, а может и новых петлях, двери в предбанники. По углам как обычно висели кнопки звонков с подписями номеров квартир. От двери до двери тянулась стена, по центру

которой находился выход на общий балкон. По бокам от двери были врезаны окошки с широченными подоконниками.

Грязная серо-коричневая плитка кусками лежала на холодном бетонном полу. Тот же бетон виднелся под отваливающейся кусками серой краской. Мрачные стены не отражали всей важности праздника, если таковая и была. Разве что в углу стояла осыпавшаяся елка, готовая забыть все, что происходило вокруг нее. Грязи было значительно больше, нежели на первом этаже. Новогодний шарм исчез моментально, если он вообще появлялся.

Где-то недалеко были слышны стоны. Скорее всего они доносились из той квартиры, на двери которой, рядом с цифрой «14» красовалась металлическая табличка «Саша+Женя» выгравированная отменным старинным почерком. «Кто из них парень? – подумал я, – а что, если оба? Или обе?» Я быстро откинул глупые мысли и пожелал влюбленным счастья. Оно им было нужно. Потому как счастливые люди живут без глупых табличек на дверях.

Номера квартир странным образом не были упорядочены. Потому как не успел я закончить мысль, из соседней квартиры вылетело двое парней с сигаретами в зубах. Оба были обриты наголо, а в глазах их была та же животная ненависть, что и у быков на энсьерро. Один из них, высокий, был мертвецки пьян и с трудом прошел один единственный метр до подоконника. Второй же, низкий и более худой, был намного более подвижным. Он вытащил сигарету изо рта и подошел

ко мне:

– Здорово.

– Шолом.

– Гы, – выдало второе тело.

– Шолом? Это что значит? – спросил служивый.

– Значит – мир тебе. Приветствие такое.

– А че, обычное «привет» уже никак не котируется?

– Ну, привет, если тебе так проще.

– Да ладно, расслабься, – он оскалится. – сигарета есть?

Я глянул на сигарету в его руке, посмотрел на его оскал и снова на руку:

– Нет, у меня нет, к огромному моему сожалению.

– Че, не куришь, да? Спортсмен, значит.

– Курю, но сигарет у меня нет. Может, твою пополам покурим?

– Ну, давай, – он прикурил и протянул мне сигарету, не снимая с лица дикий взгляд и оскал. – а че патлатый такой?

Его друг в этот момент медленно стек по стеночке в сидячее положение и кое-как закурил сигарету, попутно пытаюсь открыть бутылку водки, которую он словно фокусник достал из пустоты.

– Нравится мне так, – ответил я.

– Мужики так не ходят, ты в курсе? У мужика должны быть короткие волосы. Шевелюра – это для баб.

– Байкеры так не считают, – я передал ему сигарету, ожидая очередного его выпада.

– А че за коньяк пьешь? – он указал на бутылку в моей руке.

– Дешевый, качественный, печень в щепки, – полумертвый служивый бросил взгляд снизу и попытался понять, о чем идет речь.

– Хорошо сказал, – он затаился. – так может выпьем?

– Никак нет.

– Никак нет? Ты служил? – резко спросил он, глядя на меня снизу вверх.

– Никак нет, – коротко отвечал я. – не служил.

– А че тогда отвечаешь по уставу?

– Просто так.

– А че не служил? Кто родину защищать будет? – нервозно возразил парень.

– Ага-а, – доносилось снизу.

– Солдаты, я полагаю, – ответил я.

– А ты забавный. Только дерзкий слишком, – он сделал шаг в мою сторону. Я понял, к чему все идет и предвкушал драку.

– А ты в курсе, кто не служил – тот не мужик. Ты не мужик?

– Мужик, – я был хладнокровен, но страх был где-то внутри. – могу показать.

– Ну, давай, – он оскалился вновь.

Я собрался с мыслями и пытался придумать, как и куда его ударить. Но самое главное было – переступить через свой

страх. Я не поощрял насилие, никогда. Но ситуация требовала действий, и вот мысль пришла в голову. Я, забыв о тошноте, сделал глоток коньяка, поморщился и резко ударил его бутылкой по голове. Кажется, я попал в бровь. Бутылка осталась цела.

– За ВДВ, да? – усмехнулся я.

– Ну, сука, тебе конец, – кровь стекала ему прямо в глаз. Вторым, к сожалению, он все видел. Он сделал пару шагов в мою сторону. Я попытался уклониться и повалить его, но он поймал меня на встречном движении и попал прямо в челюсть. Я упал. Бутылка коньяка была еще в руке. Его друг окончательно улегся на пол, не обращая внимания на происходящее. Я ударил его пяткой в колено, и он пошатнулся. Как только его голова оказалась в зоне досягаемости я наотмашь ударил его. Стекло разлетелось, а я неосознанно промыл ему свежую рану дешевым спиртом. Он только больше разозлился и начал валять меня в осколках и разлитом коньяке, не переставая месить меня кулаками. В один момент он остановился и сказал:

– Еще тебе? Я спрашиваю, еще?! – чувствовалось, что он устал, но я устал не меньше.

– Да все, хорош! – я закрывался, и он не попал бы по моей голове, зато руки он мне отбил знатно. – давай на мировую.

– Ладно, живи.

Я недоверчиво убрал руки и глянул наверх. Он протягивал мне руку, чтобы я мог подняться. С его помощью я встал

и отряхнулся. Где-то жгло кожу, где-то тянуло мышцы, и я точно знаю где раскалывалась голова. Челюсть немного отекала, но боли я не чувствовал.

– Как сам? – спросил он.

– Живой. Как голова?

– Пойдет. Сколько бутылок мне в голову прилетало.

Я охотно поверил в относительную целостность его головы и, возможно, приблизил его к слабоумию. С одной стороны, это меня радовало, с другой – мне было его жаль.

– Ну, давай тогда выпьем, – он вытянул у друга бутылку, как соску у спящего младенца и протянул мне. – а то что не служил – это поправимо.

Все мое опьянение сошло на нет в процессе драки. Тошнота прошла, а головная боль усилилась. И я решил, что самое время для второго раунда. Я взял бутылку у служивого и сказал:

– Надеюсь, что нет, – я поднял бутылку в воздух и саркастично, по крайней мере я думал, что саркастично, произнес. – за защитников отечества!

– За нас! Ура! Ура! Ура! – бодро выпалил истекающий кровью служивый.

Я не разделял его радости и гордости. Защитники отечества, которых я упомянул, защищали и защищают его. Это несчастные люди, столкнувшиеся с самыми страшными вещами в нынешнем мире – насилием, смертью и принуждением. Я пил за них. Но служивый, очевидно, подумал, что я

поднимаю стакан и в его честь. Он ошибался. Но ему я об этом не сказал.

– Как зовут-то тебя? – спросил он.

– Называй меня пьяным мастером.

– А ты все еще дерзкий! – с оскалом недоумевал он. – тебе повезло, что тут я, а не какой-нибудь сумасшедший.

– Тебе повезло, что у меня не было второй бутылки.

– Ну, сука, – он усмехнулся. – ладно.

Сумасшедшим он и правда не был. Порой даже казался совершенно адекватным. Но отбитая голова, армия, возможно, окружение – все это давало понять, что из человека можно сделать что угодно. Можно навязать ему такие ценности, которые убедят его, что уверенность и глупость – это достоинство и отвага. Он может быть непоколебим в своей смелости и бить себя по лицу, если только скажут, что это его долг перед страной. Мне до последнего не хотелось верить в то, что таких и называют сейчас защитниками отечества. А таких было много. И все они вылезали откуда-то, как февральская грязь из-под снега, и докучали своей самодовольной гордостью, которую им подарили вместе со званием защитника.

– Ну, успехов! – я отдал бутылку.

– Бывай! – он отхлебнул и начал тормозить друга. – смотри не нарывайся больше.

– Как скажете, товарищ, – кинул ему я и поднялся на третий этаж, оставив внизу обшарпанные стены, осыпавшуюся

елку, грязь, кровь и осколки.

Ступив на блестящую, словно влажную, серую плитку, я немного пришел в себя, но мне было жарче, чем обычно. Хотелось пить, сходить в душ, отоспаться, чтобы перестала болеть голова, но все можно было решить падением с крыши. Поэтому я шел.

Я оглядел лестничную клетку. Она была украшена узорами весенних аллей, водопадов, животных и птиц. И у всех зверей были пары. У грача была своя птичка, у кота кошечка, и даже у аллигатора, которого было не отличить от его партнерши, была своя крокодилиха. От этой идиллии хотелось напиться.

По углам стояли тюльпаны. Вокруг них лежали толстые коты. Они лениво мяукали, очевидно в ожидании самки. Потолок был слегка голубоватым, но все таким же пустым и серым, как и на нижних этажах. Лампы светили ярче и от этого казалось, что на этаже теплее. Разбавлял этот вид только рисунок на окнах, который оставил злой мороз. За ним не было видно ничего.

Я оглядывал животных, которые неуклюже умывались, но мои наблюдения прервали две девушки, которые с громкими и несвязными речами вывалились из квартиры номер восемь, чем слегка напугали пушистых лентяев. Но все же они не смогли заставить их сдвинуть свои несуразные тушки с места. С первого взгляда они были очень опрятны и естественны. Их смех раздавался, наверное, на весь подъезд и по-

ходил чем-то на звуки, которые мог издавать задыхающийся тюлень. Это и подкупало. Я оглядел их, они остановились и начали рассматривать меня с ног до головы. Затем одна из девушек, довольно высокая, с неуклюжим пучком темных волос на голове, сказала:

– Привет! Я – Катя, – она протянула мне руку.

– Да? Правда? – я поднял брови и пожал ей руку. – Очень приятно.

Не спрашивая моего имени Катя продолжала:

– А ты откуда?

– Буквально свалился с крыши, – ответил я, и она громко расхохоталась. Она бы смеялась тише, я думаю, если бы понимала, что я не шучу.

– Блин, ты такой забавный, – они с подругой прошли к окну, и Катя предложила мне сигарету. – ты куришь?

– Да, – ответил я.

Я заметил, что в их глазах есть что-то неуловимое. Они не были большими или яркими, но тусклый свет слишком отчетливо отражался от них. Я глянул на вторую девушку. Ее взгляд сосредотачивался на мне, пробиваясь из-под копны несуразно уложенных разноцветных волос. Единственное, что раскрыло ее карты окончательно – это то, что она не смотрела, а старалась смотреть. В ее прищуренном и нараспашку открытом зеленых глазах я увидел следы старого доброго вина. Я развернулся к девушкам левой стороной лица и услышал звук удивления:

– Ах! – это была Катя. – что с тобой?

– Что там? – я делал вид, что ничего не знаю. На самом деле, я ощущал жжение и отек.

– У тебя левая часть лица опухла!

– Это у меня молочный зубик выпал, поздравьте меня.

Вторая девушка оставалась сосредоточенной и пыталась найти что-то в пустом пространстве лестничной клетки.

– Тебе нужно приложить лед, – настаивала Катя.

– Прошу прощения, но мне нужно идти.

– Нет. Пойдем. Иначе останется отек, – продолжала она.

– Шрамы украшают мужчин, – я хотел поскорее отвязаться от них.

– Пойдем! Ты же не хочешь меня обидеть?

– Ладно-ладно. Дома есть что-нибудь крепкое?

– А ты забавный, – с намеком говорила она.

Хотелось выпить. Каждый раз, когда отчетливо ощущается боль, мне хочется проститься с трезвостью. И вот сейчас, когда я начал понимать, что алкоголь выветривается, а значит не за горами возвращение головной боли и глупых мыслей, я решил, что лучшей идеей будет что-нибудь выпить, желательно в большом количестве. К тому же, алкоголь – заклятый враг страха, и мне такой соратник был нужен как никогда.

В квартире пахло цветами. И духами. И перегаром, но это я предпочел проигнорировать, потому как сам пах алкоголем и сигаретами. Я разулся и снял пальто. В тусклом освеще-

нии подъездных ламп было сложно разглядеть грязь и пятна на одежде. Теперь же я мог лицезреть последствия драки. Я посмотрел в зеркало. Там все было еще хуже. По ту сторону стоял какой-то сумасшедший бездомный с опухшим лицом, грязный и с взъерошенными волосами. На руках была кровь.

Мне предстояло встретиться с гостями. Наверняка они все были опрятны до омерзения. Нужно было хотя бы немного соответствовать. Я быстро отряхнул пальто и направился в ванную. Там я отмыл руки, оттер пыльные пятна на джинсах и выглядел более-менее аккуратно. Я посмотрел на себя в зеркало:

– И чем ты занимаешься? Тебе просто нужно закончить начатое и все. К чему тебе алкоголь? Зачем ты вообще здесь? – спрашивал я отражение.

Оттуда на меня лишь смотрело тупое лицо, искаженное молодыми армейскими кулаками. Я понял, что не дождусь ответа и вернулся к оправданию:

– Алкоголь мне поможет. Пять минут, пару стаканов и я отсюда уйду, – заключил я и вышел из ванной.

На выходе из ванной я встретил Катю.

– Пойдем, – сказала она и повела меня на кухню. В углу, около кошачьих мисок сидело маленькое пушистое создание. Она была напугана и явно не собиралась выходить. Она почему-то поразила меня. Такая яркая, стройная и удивительно гордая. Даже испытывая страх, она казалась величественной.

Закончив оказывать первую помощь, Катя повела меня в гостиную, знакомиться с присутствующими, чего я не хотел. Как велико было мое удивление, когда я встретил четырех девушек.

– Знакомься, – Катя начала перечислять имена девушек. – это Марина, Маша, Рита и Юна.

Первую я уже видел. Сейчас она оглядывала комнату, будто увидела что-то сверхъестественное. Я сказал:

– Всем шолом! Поздравляю со всем, с чем только можно.

– Привет! – кричала Маша.

– Ну, здравствуй, – лукаво смотрела с дальнего края стола Рита.

– Еще раз привет, – добавляла Катя, взяв в руку стакан.

– Здравсте. – Тихо добавила в конце Юна, пристально глядя на меня огромными карими глазами. Я увидел в них что-то яркое. Она смотрела одновременно со страхом и любопытством, словно я был диковинным хищником. Она же наблюдала, как этот хищник смотрел на нее пустым и довольно воинственным взглядом, пусть это и была та же заинтересованность. Она приглянулась мне, но я быстро отвел взгляд и спросил у Кати:

– А как зовут эту трехцветную прелесть? Я не про Мари-ну.

Услышав свое имя, она непринужденно махнула рукой и продолжила поиски чего-то незримого для обычного человека. Девушки рассмеялись.

– А ее зовут Панацея, потому что она всегда помогает, когда плохо, – сказала Катя.

– А на кухне она забилась в угол, потому что вам тут хорошо?

– Какой ты классный! – смеялись девушки.

Вообще, с каждым раскатом смеха, пробегающим по комнате, я все больше ощущал свою глупость. Несомненно, приятно, когда девушки смеются, особенно над твоими шутками. Но я знал, кто спонсор этого смеха на самом деле. От этого становилось даже грустно. Потому как появлялось ощущение, что можно нести любую чушь, ведь успех не в остроумии, а в степени алкогольного опьянения.

Девушки продолжали напиваться. Каждая пыталась обмениваться со мной парой слов. Маша, к примеру, сказала, что я похож на ее знакомого, и что скоро она выходит замуж. Катя не могла угомониться и говорила, что я очень милый, и что мы могли бы дружить. Маргарита пронзительно смотрела в мои глаза и неуклюже пыталась усидеть на диване, рассказывая мне о своих достоинствах. Одна Марина была где-то за пределами нашей вселенной, разглядывая причудливую пустоту потолка.

Я был уже значительно пьян и единственное, что не давало мне уйти – это Юна. Она тихо сидела в углу и попивала мутное лимонное пиво, старательно отводя взгляд, когда я ловил его на себе. Мне хотелось поговорить с ней наедине, но я отчаянно не знал, как это сделать. Каждый раз, когда

появлялась вероятность, что мы останемся наедине, она куда-то уходила. Это меня печалило и через некоторое время я решил, что думаю о чем-то несбыточном. Я решил дождаться момента и уйти.

Женщины были уже в самом конце алкогольного пути. Марина и вовсе уснула прямо за столом. Спустя час моего нахождения в гостях у девушек, Рита громко заявила:

– Тост за дам! – она повернулась ко мне, многозначительно посмотрела и протянула стакан, наполненный чем-то до краев. – давай.

– Что там? – поинтересовался я.

– Какая разница? – недовольно сказала Рита. – виски, водка, шампанское. В общем, все, что было.

– Пожалейте убогих, – взмолился я.

– Ты не мужик, что ли? Не можешь за дам выпить?

– Последний раз, когда я услышал этот вопрос, все закончилось не очень хорошо. Впрочем, – я поднял стакан. – за безликих и прекрасных!

Девушки начали осушать свои стаканы почему зря. Я залпом выпил напиток. Это было испытание, настоящая пытка спиртом, издевательство над алкоголем в целом. Пока девушки шурились от вкуса мартини, от лимонов, которыми закусывали текилу и в попытках разглядеть хоть что-то сквозь алкогольную пелену, я тихо ушел на кухню в поисках воды. И это принесло свои плоды.

– О, привет! – вышла из ванной Маша, – а ты чего такой

хмурый?

– Этим коктейлем меня явно хотели отравить, но вода меня спасла.

– Хи-хи, – она улыбалась и чесала нос, держа в руке бутылку шампанского. – пойдешь курить?

– Пойдем. А ты разве куришь?

– Только когда пью.

Мы вышли на лестничную клетку, и я подумал, что нужно было взять пальто. Лучшего момента для того, чтобы уйти было не найти. «Заберу на обратном пути» – подумал я и оглядел старые стены. В подъезде все еще было довольно тускло. Коты мирно засыпали и даже не пытались прорваться в квартиру к Панацее. Я открыл окно, и мы закурили.

– Ты милый. Я бы... Мне нравится твое... шутки хорошие, в общем, ты знаешь об этом? – спросила Маша.

– Спасибо, наверное, – я улыбнулся. – понять бы еще, что ты сказала.

Она улыбнулась, блеснула глазами и потянулась ко мне. Мы поцеловались. Спустя десять секунд я остановился. Мне стало невыносимо жарко, плюс ко всему, моя опухшая щека причиняла невыносимую боль.

– Погоди, – сказал я, держа ее за плечи. – у тебя же скоро свадьба.

– Да, ну и что? – она была беззаботна. – его же здесь сейчас нет, да и нужно же оторваться напоследок. Мне всего восемнадцать!

– Тогда зачем ты выходишь замуж?

– Я его люблю. Он у меня самый лучший.

– Но целуешь ты сейчас меня.

– А может ты лучше него? – задорно кивнула она.

– Скорее всего. А может и нет. Может, я отвратительный человек, – впрочем, не ей я должен был об этом говорить. – Я определенно отвратительный человек, поверь.

– А я все равно думаю, что ты милый, – она снова потянулась ко мне.

– Не-а. Стоп, – я взял ее лицо в свои руки и наигранно, без ущерба серьезности, добавил. – ты поступаешь плохо. Мне стыдно за тебя. Позор!

– Ладно, – она улыбнулась и хлебнула шампанского.

– Я в любом случае желаю вам счастья, – недолгого, само собой. – больше так не делай. А теперь пойдем в квартиру.

С порога нас встретил звук падающей женщины. Его не сравнишь ни с чем. Это плотный звук удара, в преддверии которого слышно отчаянное визжание, а после наступает тишина. И девушка должна сквозь гнетущее молчание присутствующих подняться и встретить осуждающую публику с достоинством. Зайдя в гостиную, я увидел веселую, и в то же время омерзительную картину. Умудрившаяся упасть с кресла, Катя лежала на полу. Марина лежала на диване с неприлично высоко задернутой юбкой и спала. Маша, вошедшая вслед за мной, плюхнулась на кафель в прихожей, само собой, никак не группируясь. Повсюду была разброса-

на еда, а в ванной кто-то храпел.

Можно было уходить. Я взял с вешалки пальто и вернулся в комнату. На секунду я подумал отыскать Юну, чтобы наконец перекинуться парой слов. Около минуты я метался между тем, чтобы найти ее или просто уйти, и, наконец, пошел на поиски огромных карих глаз. На кухне было пусто. В ванной спала Рита, демонстрируя феноменальную гибкость человеческого тела. Проходя мимо прихожей, я увидел, как стошнило Машу. Увидев меня, она сказала:

– Ты такой милый.

– Спасибо, – ответил я.

– Поцелуй меня, – она потянулась ко мне губами, сидя на полу.

– Само собой, но позже, – коротко ответил я.

– Обещаешь?

– Обещаю, – я солгал.

В комнате не было никого, кроме двенадцатилетнего виски. Я взял бутылку и направился в последнюю комнату. Я приоткрыл дверь в спальню, и увидел там балкон. Это было последнее место, где она могла быть. Я тихо закрыл дверь и двинулся в сторону него.

Балкон был довольно просторным. На нем с лихвой поместилось бы человек семь. В центре стояло два кресла, разделенных кофейным столиком. Все вокруг было обвешано гирляндами. Самым удивительным было то, что полы были покрыты искусственной травой, среди которой местами воз-

вышались почти настоящие тюльпаны. Этакий домашний заповедник. Дикая природа, закрытая в бетонной коробке. Но там не было главного. Там не было Юны.

Я был расстроен, не понятно отчего. Я приоткрыл окно, на котором красовались прозрачные узоры, накинул пальто на спинку кресла, уселся в него, закинув ноги на другое, и погрузился в мысли. Я был словно тень, призрак, волнующий и прекрасный, появившийся из ниоткуда и исчезнувший в ночи.

А они что? Нет, они все были прекрасны, бесспорно. Любая девушка таит в себе нечто исключительное. Я с огромным трепетом отношусь к этим созданиям. Они легкие, веселые и поразительно утонченные. Но когда принцессы превращаются в неуправляемые и неуклюжие туловища, теряется весь шарм. Поэтому сейчас они мне были отвратительны. Нет, на них плевать. Она. Она чем-то зацепила меня. И она ушла, как это обычно бывает. Мне тоже следовало бы уйти.

Девушки поразительны, необыкновенны. Но тонуть в них с головой – самый отчаянный поступок в жизни любого мужчины. И ведь чувства не назовешь мышеловкой, потому что сыра предостаточно, да и есть можно сколько угодно. С другой стороны, она, так или иначе, захлопывается с чудовищной силой.

Однажды, будучи студентом, я влюбился. А может это была и не любовь, черт его знает. Но я испытывал нечто необычное к девушке, которую придумал. Не буквально, ко-

нечно, но на самом деле она не была тем человеком, которого видел я. Мы были счастливы вместе, как мне казалось. Я считал, что нашему союзу время – не чета. А она только наслаждалась всеми плодами заботы и внимания, пока я пытался ужиться с мыслью о ее исключительности. Обманывал ли я себя? Отчасти. Обманывала ли она меня – определенно. Итог один – я был обманут и остался ни с чем, кроме ненависти к себе.

После нее я видел в каждой девушке что-то необыкновенное, приятное и манящее. Хотелось снова отдать себя в распоряжение чувств и не думать ни о чем. Но не получалось. Каждая мысль о бесконечной счастливой жизни с очередной прелестной девушкой грубо прерывалась пониманием того, что всему есть конец. И может не все лгали, предавали и уходили сами. Но уверенности в том, что я найду ту заветную «единственную» уже не осталось.

Я продолжал пить, мне не нравилось ничто здесь, кроме прохлады, и я должен был покончить со всем этим цирком. Как бы я ни любил девушек, их природа была непонятна мне. Я мог влюбляться и страдать, потому что делал это целиком, безрассудно и искренне. Если же не влюблялся, то вел себя, как последняя скотина. Наверное, это привычное дело для людей, даже упорядоченные и оправданные годами каноны. Но мне это было не понятно. Я жил где-то в мире иллюзий. А встречаясь с реальностью, я не мог расстаться с бутылкой. Мои размышления прервал стук в дверь. В комнате стоя-

ла Юна. Это была невысокая девушка с поразительно стройной фигурой, которая проглядывалась под легким платьем с пестрыми цветами. Она смотрела на меня огромными глазами, словно уже приняла мое приглашение и ждала от меня формального жеста, указывающего рукой на кресло. Ее слегка вздернутый вверх носик делал ее похожей на ребенка, а пухлые розовые щечки, покоившиеся на остро очерченных скулах, придавали ей солидной женственности. Она поправила тонкие прямые волосы и сделала недоумевающий жест рукой, ожидая, что я открою дверь. Я встал, дернул ручку, накинул ей на плечи фиолетовый плед из флиса и с глупой улыбкой пригласил присесть в соседнее кресло:

– У тебя очень необычное имя.

– Благодарю, – улыбнулась она.

– Как тебе вечеринка?

– Ненавижу баб.

– А ты не баба?

– От того и грустно, что я тоже баба.

– Но ты не такая, как они, верно?

– Не знаю. Не мне об этом судить, – она посмотрела на меня своими огромными карими глазами. – а я такая? Как они, в смысле.

– Не думаю. Ты не перепила, ты не лезешь ко мне целоваться и не расхваливаешь меня.

– Значит, не такая. Тем лучше.

– Раз ты ненавидишь, – я замялся, пытаюсь подобрать дру-

гое слово. – баб, то что ты тогда делаешь здесь?

– Я подруга Кати. Она хорошая, когда не пьет. А когда пьет, – она ухмыльнулась. – ну, ты видел.

– Да. К сожалению, видел.

– Странный день.

– Согласен, – я хлебнул виски и предложил Юне. – выпьем за это?

– Я не пью крепкий алкоголь. Иначе я была бы, как они.

– А нам это не нужно, – я убрал бутылку. – так откуда ненависть к подругам?

– А ты разве не видишь? Они напиваются, как свиньи. Это еще не учитывая, что они это делают на глазах незнакомого человека. Потом они все к тебе льнут, хотя у каждой, кроме Марины, тут есть парень, – она перешла на нервный тон. – это не нормально. Может быть, это я такая пуританка, но мне это не понятно. И разговоров у них только что о сексе, месячных, шмотках и прочих вещах, которыми здравомыслящие люди не делятся в компании.

– Были у меня такие знакомые.

– Да такие везде!

– Так, хорошо. А чем делятся в компании здравомыслящие люди, вроде тебя?

– Я люблю стихи, особенно Есенина. Я люблю смотреть фильмы, слушать музыку и заниматься всем тем, чем занимаются нормальные, как мне кажется, подростки. Почему бы не поговорить хотя бы об этом? – она вздохнула. – потому

что им это не интересно.

– В таком случае, ты попала в нужную компанию, – я налил себе еще виски. – готовься слушать.

Я прочел ей стихотворение Есенина. Если быть честным, в стихах я не разбирался. Но эти строки всегда наполняли меня если не желанием жить, то, как минимум, тихой гордостью за человеческий род. Иногда даже чуть ли не любовью к человеку, написавшему их. Кажется, оно называлось «Не ругайтесь! Такое дело!». Закончив, я поднял стакан и выпил за наше безрассудство, отчасти вынужденное, и во многом оправданное.

– У тебя хорошо получилось, – выпалила Юна.

– Спасибо. Но стихотворения – не мое, – я выдал смешок, дивясь тому как это парадоксально звучит.

– А я люблю стихи! – задорно, словно маленький ребенок, фыркнула она. – ну, а чем ты занимаешься?

– Ты удивишься, – я испытующе посмотрел на нее и улыбнулся. – пишу.

– Что пишешь? – спокойно спросила девушка.

– Стихи, – улыбнулся я.

– Серьезно, – она насупилась.

– Ладно-ладно. Я пишу рассказы.

– И как успехи?

– Не знаю. Их почти никто не читал.

– А я бы прочитала!

– Не думаю, что тебе понравится.

– А ты и не думай. Просто потом дашь почитать.

Мне вдруг резко выстрелило в голову ее «потом». Потом может быть все, что угодно. Она может забыть, передумать, откреститься от меня. И это потом. Мои рассказы кто-то увидит, может быть, потом. Люди изменятся потом, может быть. Может, дороги станут ровнее, погода приемлемее для людей, а солнце останется все таким же родным. И все потом. Но уже без меня. Я закурил:

– Вряд ли, – выдыхая дым и глядя в окно, сказал я.

– Почему?

– Мы не увидимся.

– Какой же ты зануда.

– О, спасибо, – я кивнул ей. – говоришь, как моя мама.

– Увидимся, – она улыбнулась. – ты один из немногих парней, с кем мне понравилось общаться.

– Благодарю. Это очень приятно слышать, – я улыбнулся.

– А еще ты не заваливаешь меня комплиментами и признаниями в любви. И, что важнее всего, не пытаешься переспать со мной.

– А мне нужно начать? Я могу, только скажи.

– Только после того, как дашь мне прочесть свои рассказы. И только если мне понравится, как ты пишешь.

– Значит, не судьба.

– По-твоему, ты настолько плохо пишешь? – хихикала она. – больше уверенности. Мне кажется, ты себя недооцениваешь.

– Спасибо за веру. Ты чудо! – я добродушно улыбнулся.

Возможно, это была первая искренняя улыбка за этот вечер.

– А ты милый, – сказала она искренне, словно маленький ребенок, не ведя ни к чему и ничего не утаивая.

Мне все еще бросались в глаза ее острый подбородок и аккуратные ушки, выглядывающие из-под аккуратно уложенных каштановых волос. Я все еще видел силуэт девушки, обнявшей свои колени под теплым пледом. Она была такой молодой, живой, теплой. Она была рядом. И от этого во мне возникло странное желание ответить ей: «Ты лучшее, что со мной происходило за последнее время. Давай плюнем на все и уедем отсюда. Меня ничто не держит. Я просто хочу уехать с тобой и всю оставшуюся жизнь только и делать, что узнавать тебя» Но это было бы глупо, да и ни к чему. Поэтому я сказал ей лишь:

– Выпьем за тебя. Ты – единственный луч света и добра в этот холодный и недружелюбный вечер.

Мы чокнулись. Выпили. Я налил себе еще, как на балкон начала проситься Панацея. Я впустил ее и теперь мы сидели втроем. Я, прекрасная девушка и пушистый трехцветный комочек. Мы с Юной кинули ей пробку, и та гоняла ее по просторному балкону, то и дело натываясь на тюльпаны. Мы смеялись, рассказывали друг другу истории и, кажется, отдаляли утро. Но бесконечно это продолжаться не могло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.